

Тот человек привел ребенка в район старинных жилых построек. Проходя мимо домов, которые казались ему невероятно архаичными, они встретили сородичей, однако члены Клана Чжан, увидев их, сплошь покрытых кровью, ничуть не удивились. Они лишь бросили на них равнодушные взгляды и продолжили заниматься своими делами.

Тот член клана бросил ребенка на попечение кланового лекаря, коротко обменялся парой слов и направился вглубь поместья, чтобы доложить Главе клана о произошедшем в Руинах Древнего города.

Лекарь, увидев раны на теле ребенка, с привычным спокойствием принялся за лечение, и вскоре превратил его в подобие маленького цзунцзы, сплошь замотанного в бинты.

Ребенок лежал в небольшой комнате, а лекарь куда-то ушел.

Убедившись, что вокруг никого нет, проявился Су Синцзэ.

В полумраке комнаты, где спал ребенок, никто не заметил появления цзяожэня с длинными хвостовыми плавниками.

Комнатка была совсем тесной. Су Синцзэ в своей юной форме был примерно одного размера с лежащим на кровати ребенком, но, в отличие от него, обладал длинным хвостом.

Чисто-белый рыбий хвост был покрыт слоем гладкой, мелкой чешуи. Если присмотреться, становилось ясно, что белый цвет не был однотонным: при малейшем попадании света жемчужные чешуйки переливались яркими, ослепительными красками.

Ниже хвост переходил в многослойные, похожие на тончайшую вуаль плавники, из-за чего казалось, будто он одет в роскошное платье. Когда хвост слегка покачивался, плавники струились, словно легкие волны.

Длина всего хвоста вместе с плавниками достигала почти полутора метров.

Когда Су Синцзэ достигнет зрелости, длина его хвоста будет достигать внушительных трех метров, хотя, конечно, половину этого размера составят сказочно воздушные плавники, так что на самом деле он будет не таким уж длинным.

Комната, в которой спал ребенок, была маленькой, но в ней вполне мог уместиться цзяожэнь, чья общая длина с хвостом составляла почти два метра. Однако Су Синцзэ ощущал в этом узком пространстве сильное стеснение, поэтому решил уменьшить свое тело.

Став меньше, Су Синцзэ теперь не достигал и двадцати сантиметров в длину. Маленький, крошечный, он выглядел невероятно изящно и мило.

Не заботясь о том, что его нынешний облик совсем не внушает трепета, он подлетел к ребенку и, склонившись, принялся разглядывать его правую руку. Правая рука ребенка не отличалась мягкостью и нежностью, присущими детской коже. Напротив, она была покрыта множеством старых шрамов, наслоившихся друг на друга. Некоторые из них остались еще с давних пор, другие выглядели совсем свежими, и новые рубцы перекрывали старые, придавая ладони такой пугающий вид.

Порезы, ожоги, ссадины, следы от прижиганий... происхождение этих знаков было самым разным. Глядя на них, Су Синцзэ мог лишь догадываться, каким нечеловеческим мучениям подвергся этот ребенок за свою короткую жизнь.

Даже несмотря на то, что его чувства были по большей части поглощены аномалией, Су Синцзэ не смог сдержать мимолетного укола жалости в глубине души, когда увидел эту руку. Это была лишь остаточная инстинктивная реакция, сохранившаяся с тех времен, когда он сам был человеком.

Впрочем, это чувство пришло и ушло так же быстро, как и появилось.

И всё же.

Помимо обилия шрамов, указательный и средний пальцы ребенка оказались длиннее остальных, хотя эта особенность и не была выражена столь ярко, как у взрослых.

Прибыв вслед за ребенком в родовое поместье Клана Чжан, Су Синцзэ сразу заметил, что у всех членов этого клана правые указательный и средний пальцы необычайно длинные.

Похоже, это было своеобразным отличительным знаком Клана Чжан. Трудно сказать, была ли это врожденная деформация или же результат намеренных тренировок.

Этот Клан Чжан и в самом деле был крайне странным; Су Синцзэ никогда прежде не встречал подобных семейств.

Судя по архитектуре и занимаемой площади, Су Синцзэ понял, что это невероятно могущественный клан. Да и родовое поместье по своим размерам ничуть не уступало небольшому городу.

На окраинах территории Клана Чжан располагалось множество жилых построек, окружавших семь огромных домов в самом центре.

Он не знал, сколько именно человек здесь проживает, но, по его оценкам, не менее тысячи. К тому же расположение домов, судя по всему, подчинялось определенному порядку, напоминая построения магических массивов, которые ему доводилось видеть раньше.

Похоже, Клан Чжан действительно скрывал немало тайн.

Но его это не касалось. Немного поразмыслив, Су Синцзэ отбросил мысли о странностях Клана Чжан.

Он последовал за этим ребенком лишь потому, что того окутывала благосклонность самого мира. Будучи нелегалом, которого мировое сознание люто отвергало, он мог действовать в этом мире свободно лишь в двух случаях: либо оставаться в тех Руинах Древнего города до тех пор, пока ограничения мирового сознания не ослабнут, либо использовать ауру ребенка — любимца этого мира — чтобы замаскироваться и заставить мир признать его.

И с какой только стати система осмелилась привязать его? Он готов был поспорить: кроме его собственного мира, не сыщется ни единого мирового сознания, которое обрадовалось бы его появлению.

Впрочем, раз уж он пришел, Су Синцзэ не собирался вечно просиживать под тем древним городом.

Подземный древний город был темным, холодным и сырым, так что при первой же возможности выбраться Су Синцзэ без колебаний предпочел уйти вместе с ребенком.

Вот только стоило им уйти, как Су Синцзэ столкнулся с еще одной проблемой.

Су Синцзэ был аномалией запретного уровня — выражаясь языком некоторых людей, нечто вроде Злого бога, обладающего мощнейшей способностью к скверне.

Эти члены Клана Чжан обладали Родословной Циля и имели неплохую сопротивляемость к аномалиям, которые он излучал даже в сдержанном состоянии, но остальные обычные люди были крайне уязвимы к его скверне. И не только простые люди — даже окружающие предметы претерпевали те или иные изменения, стоило ему пробыть где-то слишком долго.

Неудержимая скверна была неотъемлемой инстинктивной способностью запретного существа; он мог свести ее к минимуму, но так и не научился устранять полностью. Именно поэтому он добровольно оставался на самом дне Тюрьмы Аномалий.

В той особой тюрьме ему по крайней мере не приходилось бояться учинить страшную катастрофу.

Нужно было придумать, как справиться с этой инстинктивной скверной. При нынешнем положении, когда он свел скверну к минимуму и был ограничен миром, у него оставалось чуть больше месяца на поиски решения, иначе в родовых землях Клана Чжан начнутся паранормальные ужасы.

Су Синцзэ раздумывал над тем, как избавиться от скверны, как вдруг поднял голову и посмотрел на ребенка на кровати.

Духовные волны, исходившие от ребенка, были какими-то неправильными.

Эта пульсация...

Су Синцзэ склонил голову набок, размышляя пару мгновений, прежде чем вспомнить, что именно она означает.

Подлетев ближе, он приложил руку к щеке ребенка — кожа оказалась обжигающе горячей.

Пережив кровопускание, колоссальную потерю крови, а затем спустившись в подземный тоннель под древним городом, где ему пришлось лавировать между трупами-монстрами и взрослыми с дурными намерениями, ребенок смог продержаться до сих пор и лишь теперь свалился в лихорадку — во многом благодаря упорству экстраординарного телосложения, дарованного Родословной Циляня.

Случись такое с обычным ребенком, он бы уже не выжил после столь сильной кровопотери.

Что вообще полагается делать при лихорадке?

Су Синцзэ слишком долго был оторван от обычных людей и с ходу не мог вспомнить.

Когда его собственное тело наполовину «нагрелось» от температуры ребенка, он наконец сообразил, что нужно позвать врача.

Но возникла новая проблема: как ему, Цзяожэню, который при первом же взгляде казался нечеловеческим существом, зазвать в комнату тамошнего лекаря?

Су Синцзэ немного увеличился в размерах и прижался своим прохладным длинным хвостом к боку ребенка. Почувствовав холодок, ребенок инстинктивно обнял его рыбий хвост.

Тело ребенка пылало жаром, и Су Синцзэ давным-давно позабытым чувством ощутил тепло.

Придумал!

Су Синцзэ отдернул хвост, который зажимал ребенок. Стоило пропасть прохладному, невероятно приятному хвосту, как погруженный в полубессознательное состояние ребенок слегка нахмурился, выражая молчаливую обиду. Привыкнув терпеть утраты, он, пожалуй, не выказал бы ни малейшего недовольства или попытки удержать — лишь эта тень обиды

скользнула по его лицу.

— Бедняжка.

Су Синцзэ протянул руку и ткнул ребенка в слегка припухшие пухлые щеки, и капля прохлады скользнула с его кончиков пальцев в тело мальчика.

Незримая прохлада укутала ребенка, его межбровье разгладилось, и в этот миг Су Синцзэ наконец увидел на его лице проблеск детской наивности.

Убедившись, что состояние мальчика вполне стабильно, Су Синцзэ превратил свой хвост в ноги, потратил немного баллов из системы на покупку точно такой же одежды, как у ребенка, и, сбросив одеяние из нитей акулы, переоделся.

Су Синцзэ вылетел из комнаты на поиски того самого лекаря клана, который обрабатывал раны ребенка.

Ничего не поделаешь, он уже столько лет не ходил пешком, что даже обзаведясь ногами, совершенно не умел ими пользоваться.

Впрочем, ничего страшного: окружающим вовсе не покажется, будто он летит — для них он будет выглядеть так, словно шагает на собственных двоих.

<http://bllate.org/book/22432/2355739>